

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. Н. ТЕРЕНТЬЕВА

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ В БЫТУ КОЛХОЗНИКОВ ЛАТВИИ

Двадцатилетие, прошедшее после восстановления советской власти в Латвии, знаменательно не только грандиозными преобразованиями в области экономики и культуры республики, но и коренными изменениями, происшедшими в мировоззрении и образе жизни людей. Это, в частности, находит свое проявление в активном росте атеизма и утверждении новых, безрелигиозных форм быта.

Разрыв с религией и церковью со всей очевидностью обнаруживается как в среде городского, так и сельского населения Латвийской ССР. В настоящей статье излагается материал, характеризующий этот процесс в крестьянской среде, при этом преимущественно в тех сельских районах Латвии, где население придерживалось лютеранского вероисповедания¹.

Для многих латышских крестьян сознательный переход на позиции атеизма представлял собой логическое завершение давно начавшегося процесса отхода от религии и церкви. Другие пришли к этому только теперь, в условиях социалистического строя, в результате пересмотра своих взглядов и большой внутренней борьбы. Вместе с тем имеется немало и таких крестьян, которые уже и ранее, при буржуазном строе, а часть их еще и при царизме, были убежденными атеистами.

Борьба за преодоление религиозных пережитков и утверждение научно-атеистических взглядов с первых же дней восстановления советской власти в Латвии (1940) заняла одно из важных мест в системе коммунистического воспитания трудящихся Латвийской ССР. Коммунистической партией и Советским правительством Латвии были приняты меры к ослаблению влияния церкви: издан декрет об отделении церкви от государства, из школьных программ исключено преподавание религии, закрыт теологический факультет Латвийского государственного университета и т. д. Однако за такой короткий срок, менее года, до начала Великой Отечественной войны, естественно, нельзя было добиться сколько-нибудь значительной ломки мировоззрения крестьян, особенно той части крестьянства, которая в то время еще относилась к категории верующих.

В годы войны лютеранская и католическая церкви вновь, как и при власти буржуазии, обрели неограниченные возможности идеологического влияния на население оккупированной немецко-фашистскими войсками Латвии. Вместе с тем в эти годы с особой отчетливостью обнаружи-

¹ Автор в течение ряда лет проводил этнографические исследования преимущественно в этих районах Латвии.

лась реакционная роль церкви и ее духовных отцов. Последнее обстоятельство сыграло немаловажную роль в изменении отношения крестьян к религии, поколебав веру в бога даже у тех из них, кто до этого слепо следовал религиозным догмам.

В первые послевоенные годы и особенно в начальный период коллективизации сельского хозяйства (1949—1950 гг.) в республике протекала острая классовая борьба. Остатки капиталистических элементов общества — буржуазные националисты и кулачество — пытались всеми мерами противодействовать утверждению социалистического способа производства в сельском хозяйстве. В своей агитации они находили поддержку и среди представителей лютеранского и католического духовенства. Имели место факты участия духовенства в бандитских вылазках. Некоторыми ксендзами и пасторами предпринимались попытки вербовки для этого молодежи, часть которой еще находилась в то время под влиянием церкви.

Коммунистическая партия Латвии и правительство Латвийской ССР одновременно с мерами пресечения враждебных вылазок классовых врагов проводили в этих сложных условиях большую, разностороннюю воспитательную работу, особенно в деревне, что оказало огромное положительное влияние на ускорение процесса формирования передовой идеологии латышского крестьянства.

С момента утверждения в Латвии колхозного строя прошло только десять лет, но какие коренные изменения произошли за этот короткий срок в духовном облике латышского колхозного крестьянства! Недавние единоличники, цепко державшиеся за свой клочок земли, разобщенные конкуренцией, а также бывшие батраки и безземельные крестьяне, стали теперь единым дружным коллективом. Рост социалистического сознания колхозников проявляется в их бережном отношении к общественной собственности, в активном участии в общественном труде, в овладении передовыми методами ведения хозяйства, обеспечивающими его высокую продуктивность. Среди латышских колхозников уже немало Героев Социалистического Труда, а также лиц, награжденных орденами и медалями.

Другой чертой, определяющей духовный облик колхозников Латвии, является их активное участие в общественно-политической жизни страны. Лучшим показателем неуклонного повышения политической зрелости и общественной активности крестьян является рост сельских партийных и комсомольских организаций. Так, если в 1949—1950 гг., когда в республике осуществлялась коллективизация сельского хозяйства, в каждой волости имелось только по одной, при этом крайне малочисленной, партийной организации (5—6 человек), то в настоящее время партийные организации, значительно большие по численности, имеются в каждом колхозе или совхозе. То же относится и к комсомольским организациям. В селах Латвии сложился уже большой и сплоченный партийно-комсомольский актив, стоящий в авангарде общественно-политической, производственной и культурной жизни села.

За истекшие годы вырос широкий сельский советский актив, — это депутаты сельских советов и исполкомов районных советов, члены общественных комиссий районных и сельских советов, члены правления колхозов и т. д. Немало рядовых колхозников избирается и в республиканские органы советской власти или привлекается в общественном порядке к участию в их работе.

Неизмеримо возрос культурный уровень колхозного крестьянства, расширился его кругозор и круг духовных интересов. Успешно осуществляется обязательное семилетнее обучение и начат переход к восьмилетнему образованию. Подавляющее большинство молодежи продолжает свое образование и после окончания семи- или восьмилетних школ. Высокий уровень механизации сельского хозяйства и ведение его на

основе научной агротехники потребовали подготовки большого числа механизаторов и специалистов сельского хозяйства. Среди них немало женщин. Благодаря расширению сети школ, культурно-просветительных учреждений (клубов, красных уголков, Домов культуры, библиотек) и открытию при сельских советах и колхозах лечебных учреждений (больниц, амбулаторий, медицинских пунктов) значительно увеличилась прослойка сельской интеллигенции. При этом, в отличие от буржуазного строя, когда специально культивировалась разобщенность отдельных социальных слоев, в советских условиях утвердилось тесное общение в быту представителей различных общественных групп. Теперь уже не редкость семьи, где один из супругов является рядовым колхозником, а другой — относится к числу сельской интеллигенции. Очень много и таких колхозных семей, где молодежь окончила высшие учебные заведения или учится в настоящее время в вузах Латвии или других республик СССР. Наличие в составе колхозных семей лиц, занятых умственным трудом, оказывает весьма заметное влияние на весь бытовой уклад семьи и способствует более быстрому изживанию старых взглядов, привычек, вредных традиций.

Показателем расширения духовных запросов сельского населения является его активное участие в культурно-просветительной работе. При сельских Домах культуры созданы лекторские группы. Лекторами являются учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства, партийно-комсомольский актив села. Лекции, читаемые на общеполитические, сельскохозяйственные, медицинские, литературные и научно-атеистические темы, активно посещаются сельскими жителями. Большой популярностью пользуются сельские библиотеки. Подавляющим большинством колхозников выписываются газеты и журналы (многие выписывают по два-три и более названий), во всех колхозах имеются стенные газеты. Общедоступным в селах Латвии стало радио, а за последние годы уже не редкостью являются телевизоры. Широкое развитие приобрела колхозная самодеятельность.

Общему росту культуры и расширению кругозора сельских жителей способствуют неизмеримо возросшие за годы советской власти связи деревни с городом, тем более, что коренным образом изменился и облик самих городов, превратившихся в подлинные центры общественной и культурной жизни соответствующих районов. Достаточно сказать, что во многих районных центрах при Домах культуры функционируют университеты культуры, музыкальные школы и музыкальные лектории, спортивные клубы и другие учреждения, привлекающие к себе большое число колхозников и сельской интеллигенции.

Все это — и утверждение новых социалистических форм собственности в деревне, и коренные преобразования экономических условий жизни крестьянства, и изменение характера крестьянского труда, и вовлечение крестьян в активную общественно-политическую жизнь страны, и обеспечение быстрого роста их культурного уровня — послужило прочной основой для ломки их мировоззрения и широкого распространения атеизма.

Формирование атеистического мировоззрения представляет собой сложный и длительный процесс, интенсивность которого обусловлена рядом факторов. Нельзя не учитывать и степень религиозности населения в прошлом. Изучение вопроса показало, что во многих сельских районах Латвии процесс складывания атеистических взглядов находится уже в стадии завершения, в других религиозные пережитки в сознании крестьян еще в значительной мере ощутимы. Последнее относится главным образом к районам, где население придерживалось католического вероисповедания, так как именно в этих районах трудящиеся больше всего были поработаны эксплуататорскими классами, нарочито державшими трудовое крестьянство в темноте и невежестве.

Разрыв с религией и церковью в крестьянской среде прежде всего проявляется в резком падении числа лиц, посещающих богослужения или обращающихся в церковь за исполнением каких-либо религиозных обрядов. Наблюдения показывают, что в ряде районов на воскресные богослужения в церковь приходит теперь лишь по несколько человек. Как правило, это женщины преклонного возраста. Церкви зачастую остаются пустыми и в двенадцатые праздники (на пасху, рождество) ².

Из-за отсутствия прихожан во многих лютеранских кирхах или католических костелах богослужения стали назначаться значительно реже. Имеется немало церквей, куда священнослужители не заглядывают уже годами. В течение трех последних лет в республике по инициативе населения за ненадобностью было закрыто несколько церквей. Можно назвать ряд приходов, где давно бездействуют или уже распались церковные комитеты, так называемые двадцатки: не находится людей, которых интересовала бы такая деятельность. Все чаще случаи подачи заявлений теми или иными сельскими гражданами о выходе из состава двадцаток. Показательно, что в составе функционирующих двадцаток преобладают женщины самого преклонного возраста, как правило, малограмотные. В числе более молодых членов двадцаток (а таковые составляли теперь редкое исключение) обычно находятся люди, не пользующиеся у окрестного населения особым авторитетом и уважением, их сознание, как приходилось неоднократно убеждаться, отягощено и другими вредными пережитками прошлого (не изжиты частнособственнические наклонности, пережитки национализма, крайний индивидуализм и т. д.) ³.

Наблюдения за процессом отхода населения от исполнения религиозных обрядов, связанных с жизненным циклом человека, свидетельствуют, что наиболее быстро изживаются такие обряды, как конфирмация, венчание. И это понятно, поскольку действующими лицами в этих случаях являющиеся представители молодого поколения, отличающегося в современных условиях наиболее передовыми взглядами, наиболее высоким культурным уровнем и общественной активностью. Значительная часть сельской молодежи состоит в рядах комсомола, а некоторые из тех, кто постарше, уже являются членами или кандидатами КПСС. Их сознание тем более свободно от религиозных пережитков.

О конфирмации в настоящее время уже можно говорить как об обряде, который в одних районах в значительной степени, а в других почти полностью утратил свое значение. Юношей или девушек, достигших совершеннолетия, которые захотели бы еще совершить этот обряд, можно в каждом районе буквально пересчитать по пальцам. Вот как характеризует это одна из пожилых колхозниц Екабпилсского района: «Раньше в нашу кирху собиралось на конфирмацию до 90 человек в год. Еще в войну, при немцах (т. е. в годы немецко-фашистской оккупации.— Л. Т.) у нас конфирмировалось до 20—25 человек в год, а вот в 1949 г. по всей большой округе нашлось только 9 желающих. Среди них из нашего колхоза не было ни одного» ⁴. Данные последующих лет по этому приходу еще более выразительны. В 1956 г. обряд

² Так, в 1960 г. в г. Даугавпилсе на пасхальную заутреню в лютеранскую кирху собралось всего 23 человека, из них трое были в возрасте 23—25 лет, остальные значительно старше. (Материалы Даугавпилсского педагогического института.)

³ В одном из лютеранских приходов, например, долгое время не могли подыскать желающего стать в руководстве двадцаткой. Наконец в 1958 г. такой человек нашелся. Он был, против обыкновения, сравнительно молодого возраста, не являлся жителем данной местности, только что вернулся после отбытия наказания за тяжелые уголовные преступления, в колхоз вступать не пожелал и держался крайне обособленно.

⁴ Сообщение колхозницы К. из колхоза «Селия» Екабпилсского района; записано автором в 1956 г. (Материалы Прибалтийской экспедиции, Архив Ин-та этнографии АН СССР.)

конфирмации пожелала выполнить одна, уже великовозрастная колхозница (27 лет), в 1957 г. в этой кирхе конфирмация вообще не состоялась: в назначенный день никто не явился, и намечавшееся по этому случаю богослужение было отменено. В 1958 г. на конфирмацию привел свою дочь церковный сторож, в 1959 и 1960 гг. желающих снова не оказалось. Аналогичные примеры могут быть приведены и из других районов Латвии.

Близки к этим и данные о бракосочетании с соблюдением церковного обряда. Проведенный автором учет по Екабпилсскому району показал, что за последние десять лет ни в упоминавшейся уже выше селпилсской церкви, ни в церквях соседних приходов этого района никто не венчался. Однако известно несколько случаев венчания с приглашением пастора на дом. Аналогичный учет по одному из сельских советов Даугавпилсского района (Дубенскому, в состав которого входит колхоз «Дзиркстеле») показывает, что даже там, где современная молодежь выросла в крестьянских семьях, придерживавшихся католического вероисповедания, отношение к обряду венчания резко изменилось: из 22 молодых пар, вступивших в брак за последние четыре года (1957—1960), венчались только четыре пары, и обращение их в костел нашло отрицательный резонанс среди их сверстников⁵.

Обряда крещения детей пока еще придерживается значительная часть колхозных семей. Однако, если сопоставить число крещений, совершающихся в настоящее время, с тем, о которых говорят данные за предыдущие годы, в особенности за годы буржуазного строя, станет очевидным, что и этот обряд находит теперь все меньшее число последователей, особенно в среде бывшего протестантского населения. В республике имеется немало сельских советов и колхозов, где от этого обряда уже отказалось подавляющее большинство семей. Автору известны, например, многие такие сельские советы в Екабпилсском, Кулдигском, Салдусском, Даугавпилсском и других районах. В этой связи небезынтересно указать на часто встречающиеся случаи, когда в одних и тех же семьях старшие дети (рожденные в годы Великой Отечественной войны или в первые послевоенные годы) были еще крещены, а в отношении младших детей, родившихся за последние восемь-десять лет, родители уже сознательно не совершали этого обряда⁶.

При выяснении вопроса об отношении колхозников, крестивших своих детей, к данному обряду реже всего получаешь ответ, который указывал бы на то, что они придают ему какое-то особое значение и считают его исполнение для себя обязательным. Молодые пары обычно указывают, что на этом настояли родители или бабушки; супруги средних лет нередко ссылаются на то, что так всегда было принято и они просто следуют старым традициям. Лишь в некоторых восточных районах республики, где еще заметно влияние католической церкви, обряд крещения детей нередко воспринимается в крестьянских семьях как жизненно необходимый акт, отвечающий религиозным убеждениям тех, кто намерен его совершить.

Погребение умерших с соблюдением религиозного обряда также представляет собою еще довольно распространенное явление в Латвии. По данным церковной статистики, в 1959 г. число таких погребений составляло около половины общего числа захоронений умерших. Выборочный учет показывает, что подавляющее большинство таких погребений

⁵ Необходимо подчеркнуть, что колхоз «Дзиркстеле» Даугавпилсского района, как и упоминавшийся выше колхоз «Селия» Екабпилсского района, являются первенцами колхозного строя, организовавшимися еще в 1947 г., т. е. на два-три года раньше большинства колхозов Латвии.

⁶ С подобными фактами автор встречался, в частности, в Екабпилсском районе (см. Материалы Прибалтийской экспедиции, Архив Ин-та этнографии АН СССР).

бений также падает на восточные районы. Наблюдения, проведенные автором в течение ряда лет в различных сельских пунктах Латвии свидетельствуют о том, что этот религиозный обряд постепенно утрачивает свое прежнее значение. Это выражается как в его упрощении, так и во все более частой замене религиозного ритуала гражданским.

До недавнего времени в сельских местностях Латвии целиком в руках церкви находились все церемонии, связанные с поминанием умерших. Еще два года тому назад повсеместно на сельских кладбищах два раза в год церковью назначались моления, посвященные поминанию умерших. Одно из них — «капу святки» (праздник на могилах) проводилось летом, другое — «мирушо диена» (день умерших), или «свечишу вакарс» (вечер свеч), поздней осенью, в так называемое «время душ» (велю лайка). В эти дни на кладбища стекалось довольно много людей разного возраста и общественного положения. Принято было приходить всей семьей, с детьми, но все же, как показывают наши материалы, за последние годы в этих религиозных церемониях в большинстве случаев преобладали женщины более пожилого возраста. Могилы к этим дням тщательно очищали от травы и украшали живыми цветами. В день назначенного поминовения все приходило с венками и букетами живых цветов. Ритуал включал богослужение, проводимое непосредственно на кладбище. В «вечер свеч» моление проводилось с наступлением темноты. На могилах зажигали множество свечей (на некоторых могилах до 30—40). Отношение населения к такому религиозному оформлению дней поминовения умерших, как нам пришлось убедиться, было двоякое. Одна часть сельских жителей, составлявшая до недавнего времени в этом вопросе большинство, воспринимала эти церемонии как положительную старинную традицию и осуждала тех, кто не приходил в назначенные церковью дни на кладбище или у кого хотя бы могилы не были к этим дням приведены в порядок. Другие, находившиеся вначале в меньшинстве, но представлявшие собой более передовую часть сельского общества, относились отрицательно к этим обычаям, и хотя некоторые из них и посещали кладбище в день молений, но открыто выражали мнение, что следовало бы изъять из ведения церкви инициативу в проведении этих памятных дней. Таким образом, по мере развития атеистических взглядов стало меняться отношение и к таким наиболее стойко сохраняющимся религиозным церемониям, как обряд погребения и поминание усопших.

Параллельно с отказом от исполнения перечисленных религиозных церемоний в Латвии повсеместно наблюдается активный процесс формирования новых обычаев и обрядов, складывания новых традиций. Одни из них уже завоевали прочное место в быту населения, другие находятся еще в процессе формирования. Прежде чем перейти к их описанию, укажем на два существенных обстоятельства — на стремление латышского населения, особенно крестьян, придать и новым обрядам и празднествам национальный колорит и на явно проявляющуюся тенденцию перенести действие этих празднеств или обрядов из сферы семейной в сферу общественную.

Начнем с описания обрядов, связанных с рождением ребенка. Весть о таком событии быстро облетает колхозников, особенно членов тех коллективов, где работают мать и отец. Свое внимание колхозники выражают устными, а иногда и письменными поздравлениями. Принято даже посылать телеграмму или красочную поздравительную открытку, особенно если новорожденный является первенцем у молодой пары.

Через некоторое время после возвращения матери с новорожденным из больницы семью начинают усиленно посещать гости. Они приходят или приезжают без специального приглашения, по своей инициативе, когда сами надумают посмотреть новорожденного и пожелать благополучия ему, матери и всей семье. Называются эти посещения старым тер-

мином «раудзибас» (смотрины). Круг лиц, приезжающих на смотрины, теперь значительно расширился: он включает не только родственников или ближайших знакомых, но и представителей колхоза, в котором работают мать или отец. Такие посещения, одно за другим, нередко продолжаются целый месяц, а то и больше. Приезжающие на смотрины привозят с собой подарки, причем главное место, как и раньше, занимают пироги, торты и другие кулинарные изделия, а также вино. Хозяева в свою очередь не должны оказаться неподготовленными к приезду любого числа гостей, они должны встретить их обильным угощением.

За последние три-четыре года довольно широкое распространение в республике получил новый обычай общественно отмечать момент наречения имени новорожденному и принятия нового члена общества в сельский коллектив. Этот торжественный момент получил название «варду дошанас диена» (день наречения имени), или «бернибас святки» (праздник детства). Большой опыт в проведении этих торжественных церемоний накоплен в Кулдингском районе, где они проводились в районном Доме культуры, а также на машинно-ремонтной станции и в нескольких колхозах. Хорошо были организованы эти празднества в Тукумском районе (особенно торжественно было в рыбацком колхозе «Селга»), а также во многих колхозах и совхозах Валкского, Эргльского, Цесисского, Ауцского, Руйенского, Екабпилсского и других районов республики. Даты проведения «праздника детства» различны, но предпочтительно его проводят летом, когда много цветов и стоит теплая погода. Во многих районах его приурочивают к Международному дню защиты детей — 1 июня. По своему замыслу праздник посвящается тем детям, которые родились в течение последнего года, но в связи с тем, что он введен еще совсем недавно, во многих местах республики (особенно там, где он проводится впервые) на праздник приглашают и детей, родившихся в предыдущие годы: в одних случаях, в зависимости от обстоятельств, ограничиваются трехлетними, в других — устанавливают в виде исключения предел в пять лет. В ближайшие годы, когда эти праздники станут проводиться регулярно, они будут охватывать только тех детей, которые родились в текущем году.

Интересно отметить, что, кроме родителей с детьми, на этот праздник принято также приглашать кумовьев. Эти персонажи и в современных условиях, — при отказе от крещения детей, — не утратили своей значимости в семейном быту крестьян, но их воздействию на детей придается теперь совершенно иной смысл: в их обязанности входит не воспитание религиозных чувств, а утверждение в сознании детей норм социалистической морали. Поэтому им отводится особая роль и на общественном празднике в честь наречения имени опекаемых ими новых членов общества.

Организаторами праздника придается большое значение оформлению помещения, где предстоит провести торжество. Обычно для этого предоставляется сельский клуб, иногда здание школы. Сцену и зал украшают зеленью, цветами и красочными плакатами, включающими стихи и изречения латышских поэтов и писателей или народные песни, по своему содержанию соответствующие празднику.

Для родителей с детьми и кумовьев в зале перед сценой либо на сцене выделяются специальные кресла или стулья, их обычно обвивают гирляндами из зелени или цветов. Виновников торжества при входе в клуб встречают звуками музыки, некоторыми самостоятельными коллективами разучивается специальный репертуар (например, колыбельные и детские песни). Праздник начинается с поздравления родителей представителями колхоза, сельского совета, школы и т. д. Им желают успеха в воспитании детей высокоценными членами социалистического общества и дают обещание оказать в этом всемерную помощь со стороны

коллектива. Выступающие с пожеланиями обычно обращаются и к кумовьям, призывая их активно участвовать в воспитании своих подопечных. Составной частью торжественного акта является вручение детям специальных, красиво оформленных удостоверений или, вернее, памятных книжек (так как они не являются какими-нибудь официальными документами), в которые записываются имя ребенка, дата праздника и название коллектива, являющегося организатором торжества. Не менее важным моментом является запись детей в книги колхозов или сельских советов (в зависимости от того, кем устроено торжество). Председатель сельского совета (колхоза) обычно приглашает для этого к столу не только родителей, но и кумовьев; их имена также записываются в книгу против имени ребенка, с тем чтобы они чувствовали и свою ответственность за его воспитание. В некоторых местах, когда дата праздника совпадает с близкой к этому датой рождения ребенка, во время торжества производится и официальная регистрация его. В этих случаях праздник наречения имени становится еще более торжественным и значимым. Официальную часть торжества принято завершать вручением памятных подарков. Продолжением праздника является небольшой концерт художественной самодеятельности. Некоторые коллективы, — там, где сравнительно небольшое число участников, — устраивают затем и угощение. Из личных наблюдений и из рассказов многих участников таких праздников можно сделать вывод, что «дни наречения имени» уже завоевали широкую популярность и признание в среде сельского населения. Показательно, например, что в тех пунктах, где праздники детства организуются еще не регулярно или где они еще ни разу не назначались, само население, и прежде всего женщины-матери, высказывают настоятельные просьбы, адресованные сельским советам и общественным организациям, об их проведении. Можно также констатировать, что там, где эти праздники уже проводятся регулярно (ежегодно), они играют большую положительную роль в вытеснении из крестьянского быта церковного обряда крещения. На это указывает статистика; об этом говорят и сами колхозники.

Еще большую популярность и всеобщее признание трудящихся Латвии, в том числе сельских жителей, приобрели также совсем еще недавно возникшие «праздники совершеннолетия» (пилнгадибас святки). Эти замечательные праздники юности, инициатором создания которых явился Центральный Комитет комсомола республики, стали здесь впервые отмечаться в 1957 г. и за этот короткий срок привлекли к участию в них основную массу молодежи. В Екабпилсском районе, например, праздники совершеннолетия впервые стали отмечать в 1958 г., и в них тогда приняли участие свыше 150 юношей и девушек; в 1959 г. в этом же районе в праздниках участвовало уже в четыре раза больше молодежи; в Добельском районе в 1960 г. на праздники совершеннолетия не пришло лишь 12 человек. Эти данные имеют прямое отношение к вопросу о высвобождении молодежи из-под влияния церкви. Выше уже сообщалось об активном отказе молодежи от обряда конфирмации. Новый общественный праздник в честь достижения совершеннолетия вытесняет этот отживший религиозный обряд, и юноши и девушки, участвующие в празднике, — это та современная молодежь, которая сознательно отошла от церкви.

«Праздник совершеннолетия» также проводится в летние месяцы и зачастую приурочивается к празднику советской молодежи, который по всему Советскому Союзу отмечается в последнее воскресенье июня. В этих случаях в различных мероприятиях, организуемых для молодежи, кроме восемнадцатилетних участвует и вся остальная молодежь. Но в центре внимания в эти дни — восемнадцатилетние. Во многих районах республики вошло в традицию собирать молодых людей, которым в текущем году исполняется восемнадцать лет, за несколько дней до празд-

ника в районные центры. Там для этих юношей и девушек читают лекции на различные темы: о правах и обязанностях советских граждан, о коммунистической морали, проводят беседы о поведении молодежи в обществе, об основах здорового быта, с ними разучивают новые советские песни и танцы. Они участвуют в спортивных состязаниях. Часто во время этих сборов устраивают встречи с молодежью старых революционеров, передовых людей колхозов и предприятий, писателей, художников, артистов. В программу сборов входит также организация экскурсий по району и по туристическим маршрутам республики, посещения театров и кино.

Такая многогранная подготовка к дню совершеннолетия вызывает в среде молодежи особый интерес к этому празднику, и подавляющее большинство юношей и девушек ожидают его с большим нетерпением. В день праздника, если он проводится в масштабе всего района, церемонии начинаются с торжественного шествия молодежи от назначенного места сбора к месту празднования. Красочная колонна молодежи привлекает всеобщее внимание окрестных жителей, собирающихся к началу торжества на улицах районных центров: девушки в белых платьях с букетами цветов, юноши — в темных костюмах и белых сорочках, впереди их духовой оркестр, исполняющий бодрые и радостные марши и мелодии. Возглавляют колонну представители комсомольской организации района.

У входа в районный Дом культуры колонну ожидают пионеры, старшие комсомольцы, гости, родители. После открытия торжества юбиляров, разместившихся в первых рядах зала, сердечно поздравляет кто-нибудь из руководителей праздника. Затем начинается торжественная церемония вручения «Грамот совершеннолетия».

Грамоты совершеннолетия, введенные в республике по инициативе Центрального Комитета комсомола, представляют собою красиво оформленные памятные книжечки, где записываются имя юноши или девушки, дата исполнения совершеннолетия и различные пожелания, выраженные обычно в стихах. Вместе с грамотой юбилярам вручаются какие-нибудь подарки, чаще всего книги.

После завершения церемонии вручения грамот молодежь поздравляют представители общественных организаций, пионеры, товарищи по работе, знакомые, родные. Юбиляры получают множество цветов. Весь праздник проникнут весельем и радостью. Из соседних с залом помещений доносится музыка, исполняющая народные мелодии и песни советской молодежи, под ее аккомпанемент проходит вся торжественная часть праздника. От времени до времени и в зале возникают массовые песни: «Широка страна моя родная», «Гимн демократической молодежи» и другие; их поют все участники праздника, заражая своим юным задором и старших гостей. В одних случаях сразу же после торжественной части, в других — вечером, после некоторого перерыва, проводятся большие концерты, организуются карнавалы, спортивные состязания, факельные шествия, гуляния в парках и другие массовые развлечения.

Праздники совершеннолетия либо проводятся в масштабе всего района, и в этом случае молодежь приглашают в районный центр, либо отмечаются в сельских советах, где организаторами их являются производственные коллективы предприятий, колхозов и совхозов, а также местные учебные заведения. Там, где общерайонный праздник совершеннолетия не проводится, восемнадцатилетние юноши и девушки, отметившие знаменательную дату в своих коллективах, особенно стремятся затем принять участие в общерайонном празднике советской молодежи.

По своему содержанию праздники совершеннолетия, организуемые колхозами или другими производственными коллективами, почти ничем

не отличаются от общерайонных. И гостей на них собирается немало: они приезжают из соседних колхозов и школ, из Риги или других городов и сельских пунктов республики, с которыми эти коллективы связаны в производственной или общественно-культурной жизни. В колхозах праздники также проходят очень радостно и весело. А тон праздника, благодаря тому, что все его участники хорошо друг друга знают и составляют единый спаянный дружной трудовой коллектив, отличается особенной теплотой и сердечностью. На этих праздниках принято устраивать и товарищеский ужин, приветствия и тосты на котором обращены к юным членам коллектива, достигшим гражданского совершеннолетия. Дата совершеннолетия обязательно отмечается и в семье.

Существенно изменилось в современных условиях отношение сельских жителей к факту создания новой семьи, равно как принципиально изменилось и все оформление связанных с этим церемоний. Если раньше, в среде единоличников, к созданию новой семьи относились как к частному делу небольшого круга лиц, то теперь, в условиях советской и колхозной действительности, этому событию придается большая общественная значимость, и члены тех сельских коллективов, в среде которых намечается образование молодой семьи, не остаются к этому безучастными. Они заботятся (если в этом есть необходимость) о создании надлежащих материальных условий для жизни возникающей новой семьи (об укреплении их будущего хозяйства, строительства дома и т. д.), принимают живейшее участие в подготовке и проведении свадьбы, а нередко принимают на себя целиком все ее устройство. Такие свадьбы получили название общественных, или комсомольских, свадеб.

Сам свадебный обряд в среде колхозников сейчас значительно упростился. Отпали не только венчание, но и сватовство и сговор сторон о приданом; свадьба происходит теперь обычно не в двух пунктах, как было раньше; вначале в доме родителей невесты, затем в доме родителей жениха, — а в одном, там, где будут жить новобрачные.

Беседуя с колхозниками и колхозницами об их отношении к устройству свадьбы и записывая ритуал современных свадеб, мы убедились, что если принимается решение отпраздновать свадьбу без венчания, то организаторы и участники стараются все же соблюдать многие старые народные традиции, сочетая их с новыми, зародившимися совсем недавно.

В подавляющем большинстве случаев регистрация брака осуществляется обязательно в день свадьбы и воспринимается как составная часть всей свадебной церемонии.

В колхозах Даугавпилсского района ЛССР мы столкнулись с другим порядком, а именно: регистрация брака происходит там не менее чем за два-три месяца до свадьбы и рассматривается скорее как своеобразное обручение жениха и невесты, после которого в семьях официально объявляют о предстоящем бракеосочетании; однако молодые фактически еще не вступают в брак, считаются женихом и невестой и вплоть до свадьбы продолжают жить в семьях своих родителей. Брак они считают состоявшимся лишь после того, как отпразднуют свадьбу. Сказанное относится и к свадьбам без венчания.

Свадьбы проводят в любое время года, но чаще празднуют осенью и весной. Из дней недели предпочтение отдается субботе (канун нерабочего дня). Начало свадьбы назначается на вечерние часы. В тех случаях, когда день регистрации брака и свадьбы совпадает, началом торжественной церемонии является поездка в ЗАГС. Свадебный поезд направляется к сельскому совету, где в торжественной обстановке происходит регистрация брака. Председатель и секретарь сельского совета приходят для этого в сельсовет вечером нарядно одетыми (в некоторых сельских советах они надевают народные костюмы); во многих сель-

ских советах помещение специально оформляется, у дверей ставят березки или елочки, стулья для новобрачных обвиваются гирляндами зелени.

Новобрачные приезжают для регистрации брака в сопровождении посаженных родителей и большой группы молодежи, нередко с музыкантами. Конные упряжки для свадебного поезда теперь используют редко, предпочитая автомашины. Для молодой пары и посаженных родителей обычно вызывают из ближайшего города легковые такси или используют чьи-либо личные легковые машины. Все остальные едут на грузовиках, выделяемых колхозами. Машины украшают березками (зимой елками). Жених и невеста обычно уже одеты в свадебные костюмы: невеста в белое платье и фату, жених — в черный костюм и белую сорочку с светлым галстуком. Если место свадьбы далеко от места регистрации, то участники церемонии здесь же, в сельском совете, торжественно поздравляют молодых; музыканты играют туш, предусмотрительные хозяйки подносят молодым и гостям по рюмке вина и угощают тортом. Нередко к этому торжественному моменту заранее присылают для молодых по адресу сельского совета поздравительные телеграммы или оставляют им подарки.

Последующие церемонии, относящиеся к свадебному ритуалу, содержат многие традиционные черты. Свадебному поезду на пути его следования обычно устраивают заграждения в виде закрытых ворот и тому подобных препятствий, преодоление которых полагается «выкупить». Такие заграждения нередко устраивают и перед воротами той усадьбы, куда направляется свадебный поезд. Молодую пару, прибывшую после регистрации брака в дом родителей мужа (или в дом, где устраивают свадьбу), встречают на пороге родители с «хлебом-солью» (его заменяют кусочки торта) и вином. Молодая перед тем, как войти в дом, одаривает свекровь, свекра и ближайших родственников мужа (в некоторых случаях подарки вручаются позднее, перед окончанием свадебного пира). Свадебный пир продолжается чаще всего два дня: суббота и воскресенье. •

На тех свадьбах, где придерживаются старых традиций, исполняется церемония «мишошана» (снятие с молодой девичьего головного убора — венка и замена его головным убором замужней женщины — платком; иногда вместо платка прикалывают в волосы цветок). Видное место на свадьбах и сейчас отводится состязанию в островах и песнях двух сторон — жениха и невесты. Это особенно распространено в Латгалии.

Интересно отметить изменившийся по сравнению с прежними временами принцип приглашения гостей. Круг их значительно расширился, но не за счет родственников, а за счет товарищей по совместной работе (например, членов бригады) и представителей колхозной и сельской общественности. Теперь часто можно услышать такие слова: «У нас в бригаде была свадьба».

Комсомольские или общественные свадьбы проводятся обычно в помещении колхозных клубов, Домов культуры или в школах (если в колхозе еще нет клуба). Ритуал этих свадеб также включает многие старые народные традиции; вместе с тем здесь наиболее широко проявляется инициатива молодежи в поисках и исполнении различных новых церемоний, преимущественно шуточного и увеселительного характера. Такие свадьбы бывают особенно многолюдны — «праздновали всем колхозом», как можно часто услышать о комсомольских свадьбах.

В наибольшей мере переплетаются старинные народные традиции с формирующимися новыми обычаями при похоронах, и именно в этих обрядах более стойко сохраняются и некоторые локальные черты.

Умершего сразу же обмывают, одевают и до изготовления или покупки гроба оставляют на кровати, покрыв с головой простыней. На следующий день его укладывают в гроб. Далее поступают по-разному. В большей части Латвии гроб выносят из дома в какую-нибудь из надворных построек: клеть, сарай, погреб. Помещение перед этим очищают, освобождают от лишних вещей и украшают ветвями елок. Гроб ставят на какой-нибудь невысокий постамент (например, на табуретки), покрытый домотканым одеялом, и закрывают крышкой. В этом положении умершего держат, как правило, не меньше недели, пока не подготовят все к похоронам. Все эти дни почти никто не заходит в это помещение, и никаких почестей умершему не воздается (следят лишь, чтобы покойник не начал «портиться»). В восточных же районах Латвии — в Латгалии покойника держат в доме, не оставляют его одного и хоронят обязательно на третий день.

Приходить на похороны принято только по приглашению, которое воспринимается как знак уважения. Отбор приглашаемых, в том числе и родственников, производится с учетом того, каковы были взаимоотношения у умершего, а также у членов его семьи, с этими людьми. Теперь принимается также во внимание, с каким трудовым или общественным коллективом был связан умерший: приглашаются на похороны его товарищи по производственной и общественной работе. На многие похороны приглашают также колхозных музыкантов, иногда и хор.

Сбор на похороны назначается, по традиции, во второй половине дня, а сама процедура захоронения на кладбище происходит перед закатом солнца. Все приглашенные приходят в дом умершего с цветами или венками и кладут их к гробу. Далее обычно происходит трапеза, после которой все выходят во двор и поочередно подходят к гробу проститься с покойником. Центральной фигурой церемонии с этого момента становится «проводжающий умершего». Для исполнения такой почетной роли родственники приглашают кого-нибудь из наиболее авторитетных и красноречивых местных жителей, предпочтительно мужчину (известны случаи приглашения и женщин). Нередко выбор падает на учителя. Провожаящий произносит речь перед отправлением процессии со двора покойного и затем еще раз на кладбище у могилы, перед опусканием гроба. В обоих случаях оратор рассказывает о жизненном пути умершего и описывает его достоинства.

Распространенным явлением стало использование для похоронной процессии грузовых автомашин. Но пожилые люди часто заранее оговаривают, чтобы их везли в последний путь по старому обычаю — на лошадях. Возглавляет траурную процессию провожающий. Если на кладбище отправляются на автомашине, ему предоставляется место в кабине той машины, на которой везут гроб. По прибытии на кладбище гроб снова открывают, и около него происходит процедура прощания с умершим: говорит свое последнее слово провожающий, произносят прощальные речи и некоторые из присутствующих, хор исполняет несколько песен соответствующего содержания, звучат горестные мелодии оркестра. Провожаящий предлагает проститься с умершим, затем гроб опускают в могилу, убрannую по дну и стенкам еловыми ветками, сверху его покрывают одеялом. Каждый из присутствующих бросает на крышку гроба по три горсти земли, приговаривая: «легкого песка!».

После захоронения гроба участники похорон подходят с венками к могиле, произносят, обращаясь к покойному, еще несколько теплых прощальных слов и возлагают венки на могилу. Потом родственники обносят собравшихся вином и хлебом с просьбой помянуть умершего. Затем приглашенные отправляются в дом умершего, где совершается традиционная трапеза.

Повсеместно, кроме Латгалии, допускаются на похоронах и разного рода увеселения. Нередко можно услышать, что умерший любил веселье, песни, музыку и завещал, чтобы на похоронах было весело.

К новым явлениям в этой области должны быть отнесены общественные похороны, организуемые сельскими советами, правлениями колхозов и общественными организациями. Так хоронят тех, кто имел значительные революционные, общественные или производственные заслуги. Гроб с телом умершего в этих случаях устанавливается в сельском Доме культуры, у гроба несет вахту почетный караул; проводится траурный митинг. В похоронах принимает участие большое число местных жителей: члены окрестных колхозов, сельская интеллигенция, учащиеся школ.

Заканчивая описание современных обычаев и обрядов, нам остается ознакомить читателя с только еще формирующимся гражданским обрядом, посвященным памяти умерших.

Выше мы уже сообщали о все чаще высказывавшихся за последние годы пожеланиях сельских жителей освободить от религиозной оболочки традицию коллективного посещения в определенные дни могил своих близких. Откликаясь на эти пожелания, некоторые сельские советы и общественные организации колхозов Латвии решили взять в свои руки инициативу в проведении дней памяти умерших. Вот как прошло, например, проведение этого дня по-новому на одном из сельских кладбищ Екабпилсского района (Селпилсский сельский совет, 1959 г.).

Подготовку к этому дню провели депутаты сельского совета, представители партийных и комсомольских организаций селпилсских колхозов и учителя. Местные жители были заранее оповещены о предстоящем проведении дня памяти умерших и о новом содержании этой церемонии. Инициатива сельской общественности нашла широкий отклик в среде рабочих, колхозников и сельской интеллигенции. Они задолго до назначенного дня привели в порядок могилы своих близких, посадили цветы, посыпали песком дорожки. На кладбище в этот день собралось много народа — гораздо больше, чем во время богослужений, практиковавшихся в предыдущие годы. Руководил церемонией председатель сельского совета. В кратком слове, обращенном к односельчанам, он призвал их почтить память своих близких и друзей, обретших покой на старом селпилсском кладбище.

Проникновенную речь произнесла после этого заведующая школой, много лет работающая в Селпилсе и хорошо знающая жизненный путь большинства местных жителей. Она напомнила о суровых днях революции 1905 г. и назвала имена революционеров, ныне покоящихся на селпилсском кладбище. Много теплых слов нашлось у оратора о безвременно ушедшем молодом и талантливым композиторе Петере Барисоне — уроженце Селпилсской волости. Над его могилой прозвучали созданные им прекрасные мелодии в исполнении колхозного оркестра. Оратор посвятил свою речь и многим простым людям и активистам нового общественного строя, оставившим о себе добрую память.

Один из бывших участников комсомольского подполья 1920—1930-х гг., присутствовавший на кладбище, посвятил свою речь прежним жителям волости, отдавшим свою жизнь в борьбе за восстановление советской власти в Латвии. Объединенным хором селпилсских колхозов было исполнено много красивых латышских песен. На могилы революционеров и общественных деятелей Селпилса присутствовавшие возложили венки и гирлянды цветов.

Оценка, данная подавляющим большинством селпилсских жителей новому ритуалу проведения дня памяти умерших, отражена в названии

заметки, вскоре появившейся в районной газете: «Пасторам больше нечего делать»⁷.

В 1959 г. наряду с новой, гражданской церемонией, посвященной памяти умерших, на этом же кладбище проходили и церковные «капу святки». Однако в этот день на кладбище собралось всего несколько старушек.

В 1960 г. на селпилсском кладбище был вновь проведен «день памяти умерших» по гражданскому ритуалу, и в нем, как и в предыдущем году, участвовало большинство окрестных жителей.

За последние два года гражданские обряды, посвященные памяти умерших, стали проводиться и на многих других сельских кладбищах, где они также привлекли значительное число участников. Можно думать, что в самые ближайшие годы старый церковный обряд поминовения умерших полностью изживет себя в республике.

Характеризуя сложный процесс отхода сельского населения от религии и замены старых, утративших свой смысл и значение церковных обрядов новыми обрядами и праздниками, отвечающими современному образу жизни и утверждающемуся материалистическому мировоззрению людей, необходимо подчеркнуть, что церковнослужители встречают все это далеко не безразлично. Одни из них (пока лишь единицы) в результате тяжелой внутренней борьбы изменяют свои прежние убеждения и переходят на позиции атеизма; другие (их еще большинство) пытаются всеми средствами удержать население под своим влиянием.

За последние годы в республике публично отреклись от духовного сана десять священнослужителей (ксендзы, пасторы и баптистские пресвитеры). Мотивы, побудившие к отречению от духовного сана, ясно выразил в своем письме бывший пастор Ольгерд Робежниека, обслуживавший последние годы четыре прихода в Екапилсском районе. В пространным письме, опубликованном в районной газете, он пишет, что после двадцати долгих лет служения церкви он тяжелой ценой преодолел свои внутренние сомнения и теперь познал подлинную правду жизни. Окончательно убедившись в несостоятельности религиозных догм, он не намерен более пропагандировать и защищать их. «Я не хочу больше ни одного дня своей жизни тратить на работу священника,— пишет он,— хочу заняться каким-нибудь полезным для общества трудом».

В своем письме О. Робежниека говорит о растущем в народных массах атеизме. Отмечая активный отход населения от религии, он пишет, что церковь сохранила еще какое-то значение лишь для небольшой части старшего поколения, а также для тех немногих представителей молодежи, кто еще в той или иной мере находится под влиянием отсталых взглядов своих родителей. «Но я все чаще замечал,— подчеркивает он,— что и сами верующие не были подлинно религиозными людьми, они обращались к религии в лучшем случае ради соблюдения старых традиций, которые сами они не пытались заменить чем-то другим». «Нельзя было не видеть,— продолжает он далее,— что именно молодежь, которой принадлежит все наше будущее, отходит от церкви, увлеченная теми широкими перспективами, какие ей открывает современная жизнь. Церковь является лишней в этой жизни, а работа духовенства — не только не нужной, но и вредной»⁸.

Случаи отречения представителей церкви от духовного сана вызывают бурную реакцию в среде сельского населения, как и в церковных кругах. Бывший ксендз Б. Звейсалниека, ныне лектор Общества по распространению научных и политических знаний ЛССР, касаясь в своей лекции этого вопроса, сообщил: «Фанатически настроенные католики,

⁷ «...Macītajam vairāk nau ko darīt» (газ. «Brīvā Daugava», 18 августа 1959 г.).

⁸ Газ. «Brīvā Daugava», 23 октября 1959 г.

узнав о моем публичном отречении, пытались убедить окружающих, что в меня вселился антихрист. Но многие, в том числе и мои бывшие прихожане, поняли меня и одобрительно отнеслись к моему решению. Я получаю много писем, из которых вижу, что мой разрыв с религией поколебал веру ранее религиозных людей или привел их к атеизму»⁹.

Отречение от духовного сана упоминавшегося выше бывшего пастора О. Робежниака встретило одобрение подавляющего большинства жителей Екабпилсского района, известных и ранее своими передовыми взглядами. Это, в частности, нашло свое выражение в том, что группа бывших прихожан селпилсской церкви вслед за его отречением подала в сельский совет заявление о закрытии церкви.

Противодействие растущему атеизму, оказываемое со стороны лютеранской и католической церкви, выливается в различные формы. В данном случае в упомянутые выше приходы Екабпилсского района был назначен новый, «более надежный» пастор. Одним из первых его устремлений было предотвратить закрытие селпилсской церкви. Путем индивидуальной агитации среди наиболее отсталой части местного населения ему удалось добиться того, чтобы лица, подавшие заявление в Селпилсский сельский совет о закрытии церкви, взяли его обратно. Спустя некоторое время, в расчете на укрепление позиций религии, в селпилсскую церковь для проведения торжественного богослужения прибыл сам епископ. Однако его появление не произвело сенсации, со всей большой округи собралось очень мало народа.

Уже из приведенных фактов видно, какая острая идеологическая борьба идет вокруг этих вопросов. К этому можно было бы добавить и известные нам многие другие факты, указывающие на ухищрения служителей церкви в погоне за сохранением своего влияния. Сюда относятся, например, явное приспособленчество церковников при определении возраста молодежи для прохождения конфирмации у лютеран или первого причастия у католиков. Наблюдения показывают, что там, где подобные случаи еще имеют место, эти обряды, рассчитанные на подростков и молодежь, совершаются теперь в значительно более раннем возрасте и в такие моменты, когда дети в наименьшей мере связаны со школой (например, в летние каникулы, при переходе из одной школы в другую, из начальной в семилетнюю, или сразу же после окончания семилетней школы) или пока дети младшего возраста не вступили в ряды пионерской организации, а старшие — в комсомол. Свое влияние на детей церковники стараются осуществлять через родителей, а в их среде есть еще такие, кто пытается под воздействием церкви применять угрозы и насилия по отношению к детям, отказывающимся исполнять религиозные обряды. В одном из районов ЛССР мы столкнулись, например, с фактом, когда мать-колхозница выгнала из дома 11-летнего сына за то, что он отказался посещать церковь и вступил в пионерскую организацию. Потребовалось вмешательство школы и сельского совета, чтобы убедить мать в ошибочности ее поступка¹⁰.

К запугиванию верующих не стесняются прибегать и некоторые представители церкви. Так до последнего времени поступал ксендз Калныш из Ликсненского прихода (Даугавпилсский район). Он в своих проповедях угрожал верующим адскими муками за непосещение церкви и за отказ от крещения детей. Для большей убедительности он прибегал к индивидуальному воздействию на верующих. Одну из колхозниц колхоза «Дзимтене» он вызвал однажды к себе и угрожал ей тем, что, если она не приведет своих детей на первое причастие, то не найдет

⁹ Из лекции Б. Звейсалниака, прочитанной в 1959 г. в Екабпилском районном Доме культуры (записано мной.— Л. Т.).

¹⁰ Материалы Прибалтийской экспедиции, 1960 г. (Архив Ин-та этнографии АН СССР).

людей, которые похоронят ее самое и ее детей на кладбище. Напуганная женщина, сознание которой находилось еще целиком во власти религиозной мистики, привела вскоре после этого своих детей в костел¹¹.

Все это указывает на то, что вопросы высвобождения известной части населения из-под влияния церкви, преодоления религиозных пережитков и формирования атеистического мировоззрения требуют к себе постоянного и неослабного внимания. Учитывая это, республиканские общественные организации совершенствуют методы и содержание научно-атеистической пропаганды.

В каждой местной группе Общества по распространению политических и научных знаний в республике создаются секции по научно-атеистической пропаганде. За последние годы значительно возросло число лекций, читаемых на научно-атеистические темы. По своему содержанию эти лекции стали более целенаправленными, в них включается также и конкретный материал, характеризующий действия местных церковников и сектантов. Кроме лекций, пропаганда научно-атеистических взглядов осуществляется путем проведения бесед, вечеров вопросов и ответов, диспутов, выставок, тематических вечеров, практикуется проведение химических опытов, разоблачающих различные «чудеса» церкви, и т. д.

Следует отметить, что ко всем этим мероприятиям заметно возрастает интерес со стороны сельских жителей, в том числе и со стороны верующих. Среди посетителей всегда оказывается большая или меньшая группа верующих или колеблющихся в отношении религии. Одни из них нередко вступают в активные споры с организаторами подобных вечеров и явно не хотят сдавать своих позиций, другие черпают из этих лекций новые научные сведения, помогающие им окончательно освободиться от религиозных взглядов. Многие из них впоследствии сообщают об этом организаторам вечеров в письмах или устно.

В этой связи заслуживает быть отмеченной большая и разносторонняя работа, проводимая коллективом преподавателей и студентов Даугавпилсского педагогического института. По их инициативе при Институте создан Клуб воинствующих атеистов, ставший в районе одним из главных центров научно-атеистической пропаганды¹².

Значительно возросло внимание общественности Латвийской ССР и ко все шире проявляющейся со стороны трудящихся инициативе создания новых, безрелигиозных обрядов и празднеств. В республике изучается и обобщается опыт организации этих новых торжественных церемоний¹³. Эти вопросы являются предметом обсуждения специальных конференций, организуемых Центральным Комитетом комсомола или соответствующими отделами Министерства культуры ЛССР. Для участия в этих заседаниях привлекаются местные этнографы, фольклористы, музыканты, поэты, писатели. О состоявшихся в тех или иных пунктах республики новых празднествах или «памятных днях» сообщается республиканской и районной печатью.

Личные наблюдения автора за процессом формирования новых обычаев и обрядов, а также ознакомление с некоторыми материалами заседаний, посвященных обсуждению этих вопросов, и с прессой свидетельствуют, что имеется много еще нерешенных и спорных моментов, но в целом деятельность общественных организаций Латвии, возглавивших важное движение за создание безрелигиозных форм быта, заслуживает всемерного одобрения.

¹¹ Там же.

¹² См. «Клуб воинствующих атеистов», Рига, 1960.

¹³ Некоторое ознакомление с этим дает брошюра А. Серданта: A. Serdants, Sadzivei jaunas tradicijas!, Rīgā, 1958.

SUMMARY

The two decades following the restoration of Soviet power in Latvia are marked both by tremendous changes in the Republic's economy and culture and by radical changes in the people's outlook and way of life. This is manifested specifically in the active spread of atheism and the establishment of a new way of life that eliminates religion.

Among the peasantry, the break with religion is manifested primarily in the sharp decrease in the attendance of church service and the performance of religious rites. At the same time, the past three-four years saw the spread of a new custom, under which the naming of a new-born child and the admittance a new member into the village community are an occasion for public celebration. Still more popular is the recently established «majority celebration». These new solemn ceremonies play an important part in village life in superseding the religious ceremonies of baptism, confirmation, etc.

In the present setting the attitude of the village people to the rise of new families and the attendant ceremonies has changed considerably. Under the conditions of Soviet and collective-farm life this is regarded as a matter of profound public significance, with the members of the respective village communities and public bodies taking an active part in arranging and celebrating the wedding. Weddings of this type have been called public, or Komsomol weddings.

Doing away with the survivals of religion and shaping an atheistic outlook calls for unflinching concern. The public organizations of Latvia strive to perfect the methods and content of the propaganda of scientific atheism. Apart from lectures, the dissemination of atheistic views proceeds in the form of talks, replies to answers, debates, exhibitions, etc. Interest in such undertakings on the part of the village people, including the believers, is rising steadily.
